КОЛЛЕКЦИЯ ИЗБОРСКОГО КЛУБА
МИХАИЛ
ДЕЛЯГИН
ПРЕОДОЛЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ЧУМЫ
ПОЧЕМУ И КАК МЫ ПОБЕДИМ!

Коллекция Изборского клуба

Михаил Делягин

Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим!

«Книжный мир»

2015

Делягин М. Г.

Преодоление либеральной чумы. Почему и как мы победим! / М. Г. Делягин — «Книжный мир», 2015 — (Коллекция Изборского клуба)

ISBN 978-5-8041-0793-3

Россия, как и весь мир, находится на пороге кризиса, грозящего перерасти в новую мировую войну. Спасти страну и народ может только настоящая, не на словах, а на деле, комплексная модернизация экономики и консолидация общества перед лицом внешних и внутренних угроз.Внутри самой правящей элиты нет и тени единства: огромная часть тех, кто захватил после 1991 года господствующие высоты в экономике и политике, служат не России, а ее стратегическим конкурентам на Западе. Проблемы нашей Родины являются для них не более чем возможностью получить новые политические и финансовые преференции – как от российской власти, так и от ведущего против нас войну на уничтожение глобального бизнеса.Раз за разом, удар за ударом будут эти люди размывать международные резервы страны, – пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета. Либералы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем.Задача здоровых сил общества предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность предстоящего кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну.Как это сделать, рассказывает в своей книге известный российский экономист, политик и публицист Михаил Делягин. Узнайте, какими будут «семь делягинских ударов» по бюрократии, коррупции и нищете!

ISBN 978-5-8041-0793-3

© Делягин М. Г., 2015
© Книжный мир, 2015

Содержание

Предисловие 6
Введение 9
Глава 1 12
Основы русской культуры – основа российской цивилизации 12
Лидер XX века 23
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Михаил Делягин
Преодоление либеральной чумы
Почему и как мы победим!

Предисловие
Не мечтайте: мы не уедем

Каждый из нас, живущих в насмерть реформируемой России, вот уже четверть века молча и мучительно, наедине с самим собой, решает вопрос об эмиграции.

Многие плюнули, снялись и уехали – и мы знаем, что в массе своей они устроились неплохо даже по меркам принимающих стран.

Однако огромное большинство из нас осталось. Осталось в нарастающем произволе бюрократии, периодически переходящем в террор, в неравномерном, но в целом неуклонном ухудшении условий повседневной жизни, в ценовом и зарплатном беспределе, в освобождении от всех и всяческих иллюзий.

И все чаще приходится слышать от представителей правящей бюрократии простое и недвусмысленное, а иногда и недоуменное «уезжайте!».

Разумеется, не с телевизионных экранов, хотя неутомимо и публично отливающий (хорошо, хоть «в граните») Медведев и «не видит ничего страшного» в массовом бегстве из страны молодых ученых и специалистов. Но в частных разговорах эта мысль выражается в последние годы вполне откровенно.

Вам не нравится кропотливое выпалывание последних ростков демократии? Валите на Украину, там она еще есть. Не нравится полицейский произвол? Поверьте, в Белоруссии вам будет значительно спокойней. Не по душе головокружительная дороговизна всего и вся? В Китае, куда уже бежало более 100 тысяч россиян, действительно, намного дешевле и честнее жить. Хотите безопасно провести лето или старость? Есть Крым, Черногория и Болгария, и это только бюджетные варианты.

А толковые специалисты найдут себе работу почти везде – разумеется, кроме России: что вы здесь делаете, недовольные? Или вы так ленивы, что не можете поискать себе и своим детям место на всем земном шаре?

Освободите место пока дешевым и почти на все согласным «трудолюбивым соотечественникам из ближнего зарубежья»: они по-настоящему нужны России, а вы здесь лишние, уезжайте!

И повторять диссидентское «это наша страна, а не ваша, вы и убирайтесь» – значит жалко пыжиться, зажмурившись изо всех сил.

Положа руку на сердце, признаемся молча хотя бы сами себе: это давно уже не «наша» – это давно уже «их» страна.

Почти четверть века либеральных реформ не прошли даром. Мучительная пытка регулярно рушащимися надеждами, дебилизация и старых, и молодых центральным телевидением, алкоголем и реформой образования, уничтожение науки и технологий, круглосуточный «курс молодого бандита и начинающей проститутки» под видом сериалов, вымаривание критического мышления беспощадной тотальной ложью, клановость и коррупция как образ жизни, разврат как суть культуры, гламур как надежная замена интеллекта, роскошь кучки напыщенных вельмож как национальная идея, агрессивная враждебность государства гражданину почти во всех его проявлениях, объявление экстремизмом энциклопедий – спасибо «вождям», что еще не таблицы умножения…

Это наша Россия?

Нет, это не наша – это их Россия.

Россия, больше похожая на кошмарный сон. Конечно, я могу понять людей, искренне считающих смыслом модернизации получение автоматически отмытого «отката» через интернет-банкинг и столь же искренне недоумевающих: почему в России еще остаются другие, лишние по всем официальным раскладам люди, которые чего-то зачем-то умеют и чего-то почему-то хотят.

И я могу им ответить. Да, многие не могут бросить родителей, не хотят обрекать себя на второсортность в чужом обществе, надеются дать детям возможность реализации в своей культурной среде; многие просто пассивны.

Но ведь намного проще быть чужим в чужой стране, чем в своей собственной.

И главный ответ на вопрос о том, что мы все делаем в России и почему остаемся в ней, вопреки собственному рассудку и четко выраженной воле руководства, все же совершенно иной.

Мы остаемся и остаемся сознательно, чтобы бороться с самодовольно правящими нами ворами, идиотами и убийцами или хотя бы противостоять им иным, своим, собственно российским образом жизни. Не ради замены бутерброда с маслом на бутерброд с икрой, не ради нормальной жизни детей, не ради величия предков, поэтических образов, ракетного щита Родины и даже демократии, а в силу такой эфемерной вещи, как воспитание.

Так получилось, что мы выросли в тени великих побед и в ожидании побед собственных.

Вспомните: как бы мы ни относились к своей истории сегодня, Великий Октябрь был для нас, маленьких, всемирной победой справедливости. И красный флаг над Рейхстагом, пропитанный кровью наших дедов, – тоже. Вдумайтесь: близкие родственники погибли на фронте у половины даже ныне живущих россиян!

И, конечно, нетленная улыбка Гагарина тоже была победой, озарявшей наше детство.

Как поколение, мы не смогли добиться ничего сопоставимого, но выживание в 90-е годы и относительное благополучие в 2000-е, ничуть не менее жестокие, а просто более лицемерные, – это победа.

Да, всего лишь на личном и семейном, а не на государственном фронте, – но каждый из нас чтит память своих близких, павших на этой войне. Их не меньше, чем в тех, других войнах: зайдите на кладбище любого российского города.

И, одержав минимально необходимые победы для себя, мы пришли к тому возрасту и, если угодно, «расцвету сил», когда пора одерживать победы для других. Если я живу «за себя и за того парня», что умер от голода, или сошел с ума от безысходности, или был убит в разборке или в Чечне, – значит, я должен и работать за него. Не только «за себя и того парня, что бездельничает в Кремле», – еще и за погибших на невидимых фронтах необъявленной, но отнюдь не менее жестокой от этого войны на уничтожение нашего народа, деликатно именуемой либеральными реформами.

И нам пришло время побеждать.

Не потому, что иначе мы потерпим полное и окончательное поражение и сдадим свою Родину очередному зверью, которое уже ходит, примериваясь и прицениваясь, по нашим улицам. Нет, нам, в общем, безразличны высокие слова, мы знаем им цену.

Нам пришло время побеждать просто потому, что в силу воспитания и жизненного уклада нам положено одерживать победы.

И, обустроив мало-мальски жизнь своей семьи, мы обязаны одерживать победы и для остальных – необустроенных.

Не потому, что без этого их неблагополучие сомнет и раздавит наши уютные мирки и вернет нас в ужас, из которого мы только-только выползли на трясущихся от страха и напряжения карачках, хотя это правда.

Причина другая: нас воспитывали и выращивали для побед, и отказаться от них – значит отказаться от самих себя.

Совсем не герои, мы, тем не менее, наследники победителей, воспитанные в тени не только той, нетускнеющей Победы, но и в тени будущих побед – побед, предназначенных нам.

Это наша естественная среда обитания, и, если мы отложили свои победы, то есть самих себя, на то время, пока выбивались в люди, рождали детей и выгрызали квартиры, – наивным будет поверивший в то, что мы отложили их навсегда.

Да, надолго, но это «долго» проходит.

И, с высоты нашей общей жажды общей победы, воистину «нет ни эллина, ни иудея», нет правых и левых, нет «поцреотов» и «либерастов»: есть только мы и они, только народ и толпа воров, не позволяющая нам жить и невыразимо жалкая в своей агрессивной ограниченной самовлюбленности.

Мы, народ России: бедные и богатые, «москали» и «чучмеки», «мракобесы» и атеисты, сидящие и сторожащие, преподающие и не умеющие читать, управляющие, управляемые и не поддающиеся никакому управлению в принципе – останемся здесь и сметем вас, и вас больше не будет.

Никогда.

Поймите нас правильно: не потому, что это справедливо – справедливости нет, вы слишком хорошо научили нас этому, и на свою голову тоже.

Не потому, что так завещал нам какой-то бог или лично Владимир Ильич Ленин.

И не потому, что когда-то в школе нас учили, что красть и убивать нехорошо.

А потому, что мы так хотим.

Мы хотим не видеть больше ваших раскормленных или похудевших по последней кремлевской диете рыл, изрыгающих тяжелый шизофренический бред.

Мы хотим не терпеть больше вашу ложь и воровство.

Мы хотим не быть для вас биомассой, перерабатываемой в рублевские дворцы, океанские яхты и куршевельские загулы.

Мы хотим быть людьми – и нам не мешает быть ими никто, кроме вас.

И потому вас не будет. А мы, после вас и без вас, договоримся, несмотря на все различия и даже конфликты между собой: «Сочтемся славою – ведь мы свои же люди».

Прощайте, господа.

Мы остаемся. А вас мне даже не жалко.

Мне безразлично, из каких позолоченных трущоб и под давлением каких именно не поддающихся оспариванию аргументов вы через десяток или меньше лет, скуля о своих попираемых правах, будете вынуждены возвращать Родине украденное у нее.

Главное, что вы – такие надменные и властительные сегодня и так успешно «соскочившие» завтра – вернете все до копейки, приложив к последним копейкам свои шкуры.

И, признаюсь, желание увидеть ваши трусливые глаза в момент этого возврата удерживает нас на Родине ничуть не слабее, чем желание общей победы.

Введение
Проклятие жар-птицы: нам предстоит снова брать в руки свою судьбу

Время бесплодных упований заканчивается.

В суете повседневного быта, неумолимо теряющего деньги, как раненый – кровь, в судорогах коммерческих операций, суете поиска работ и приработков, в тумане тающих под лучами кризиса надежд, водоворотах митингов, обыденном страхе перед «полицаями»[1] и раздражении ложью руководителей страны нами постепенно овладевает понимание того, что все это скоро кончится.

Просто потому, что лгать так, как лжет значительная часть нашего руководства, так воровать и почти повсеместно проявлять такой идиотизм просто нельзя: есть образы жизни, несовместимые с ней, и они, эти образы, отнюдь не сводятся к образу жизни героинового наркомана.

Позвольте избавить вас от тошнотворных кропотливых доказательств сказанного выше. Кому не противно, может повторить то, что каждый день делают все больше наших сограждан: внимательно просмотреть и прослушать по телевидению любые официальные новости, а затем просто соотнести увиденное и услышанное с повседневной реальностью последних лет, которую они наблюдают вокруг себя.

Почти единственный способ взаимодействия государства с людьми, поразившимися картине, открывающейся при таком немудрящем сопоставлении, – Уголовный кодекс, точнее, его 282-я статья. Она позволяет трактовать недостаточно аккуратную по форме, пусть даже и полностью соответствующую действительности критику руководства как «экстремизм» и «разжигание ненависти по отношению к социальной группе “власть”» и карать ее судебными мытарствами и лишением свободы.

По сути дела, 282-я статья является прямой наследницей печально известных «сталинской» 58-й и брежневской 70-й. Об этом свидетельствуют даже схожие коллизии: во времена Брежнева надпись на заборе «Вся власть Советам!» была официально охарактеризована как антисоветская деятельность,[2] а в современной России лозунг «Долой самодержавие и престолонаследие» не менее официально толкуется судебными экспертами как «призыв к свержению государственного строя».[3]

Однако подавление протеста и даже простого недовольства отнюдь не устраняет его причину – глубочайшую коррумпированность государства, делающую нежизнеспособным не только само это государство, но и всю разрушающуюся на наших глазах страну.

Эта коррумпированность обуславливает неизбежность системного кризиса практически при любой мировой цене нефти.

В самом деле: мировая экономика уверенно движется в депрессию, единственный способ выживания на пороге которой – замена государственным спросом сжимающегося под грузом накопленных диспропорций коммерческого спроса. Короче говоря, «вливание денег» в экономику.

---

[1] Автору и самому странно вспоминать, что еще недавно людей этой профессии сердечно звали «милиционерами».

[2] Самое интересное, что с точки зрения формальной логики в этом не было никакого противоречия. Ведь основой Советской власти в соответствии с Конституцией СССР (со знаменитой 6-й статьей) была «руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Советского Союза». Лозунг же «Вся власть Советам!» отрицал принадлежность всей власти КПСС; соответственно, он был прямо направлен против существующего строя, который официально считался советским!

[3] http://g-sarkisyan.livejournal.com/50051.html?nc=128; http://www.novayagazeta.ru/data/2010/005/35.html;http://forum.msk.ru/material/news/2248988.html

Однако в нашей стране это «вливание денег» не может сопровождаться действенным контролем за ними, так как такой контроль поневоле ограничит коррупцию и тем самым подорвет благосостояние правящего класса, а возможно – и сами основы государственного строя.

А что значит тратить деньги государства (в том числе через кредитную эмиссию Банка России) без контроля за ними?

Это значит не просто стимулировать воровство всех видов – это значит размывать международные резервы страны, ибо деньги, украденные у государства, в основном будут выводиться из страны. А чтобы уйти из страны, им нужно сначала превратиться из рублей в валюту, забрав ее из международных резервов государства на валютном рынке.

В первую волну кризиса, в конце 2008 – начале 2009 гг., международные резервы России (если убрать статистические фокусы) сократились на четверть триллиона долларов. Безумные деньги, на которые можно было заново отстроить всю страну, были брошены на разнообразные спекуляции.

К апрелю 2010 года примерно 100 млрд. долл. удалось восстановить – благодаря росту мировых цен на сырье и решительному сокращению государственной поддержки экономики. Однако полностью предкризисный объем международных резервов не удалось восстановить даже в 2013 году.

«Против природы не попрешь»: нежелание следовать объективной потребности замещения государственными деньгами сжимающегося коммерческого спроса обернулось обострением «денежного голода», в первую очередь – нарастанием просроченной задолженности банкам. В «спокойном» 2012 году объем поддержки банковской ликвидности только бюджетными депозитами превышал 1 трлн. руб. – больше, чем в первую волну кризиса! А ведь основную поддержку банковской системе должен оказывать отнюдь не бюджет, а Банк России.

Новые волны кризиса воровской экономики неизбежны. Раз за разом, удар за ударом они будут размывать международные резервы страны – до тех пор, пока эти резервы не кончатся, как в 1998 году, когда красивым словом «дефолт» прикрыли полное разворовывание бюджета, – и государство утратит контроль за всеми значимыми сферами общественной жизни.

Реформаторы и клептократы дружной стаей столкнут Россию в системный кризис, – и нам придется выживать в нем.

Задача здоровых сил общества в этой перспективе предельно проста: чтобы минимизировать разрушительность этого кризиса, чтобы использовать его для возврата России с пути коррупционного саморазрушения и морального распада на путь честного развития, надо вернуть власть народу, вернуть себе свою страну. Для этого надо организовываться, – и мы создаем новые политические и общественные структуры, единым фронтом выступающие против догнивающей на чрезмерно терпеливых шеях клептократии.

Но, чтобы справиться с исторической задачей, мало просто иметь силы, – надо еще и понимать, что и зачем делать.

Только четкое понимание происходящего, причинно-следственных связей и, главное, реальных общественных потребностей, только идеология, в нашем сегодняшнем случае – идеология здравого смысла – устраняет ужас исторического творчества, порождаемый пониманием неисправимости ошибки и невозможности иметь необходимую для правильного принятия решений информацию.

Для выработки и распространения этой идеологии ведется интенсивная интерактивная просветительская работа, включающая радиои телепередачи, публичные дискуссии, издание книг – включая и ту, которую вы держите сейчас в руках.

Нормальный, повседневный, человеческий разговор о наиболее острых проблемах выявляет правду и выражает словами позицию российского «молчаливого большинства». Ведь для того, чтобы овладеть историей, став тем самым из населения – народом, надо сначала осознать

свою правоту и обострить ее до кристально четкого и всепроникающего, всеобъемлющего, поистине универсального знания.

Присоединяйтесь.

Глава 1
Истоки современной российской цивилизации

Основы русской культуры – основа российской цивилизации

М. Делягин: – Влияние культуры на экономику будет оставаться самой важной темой, пока существует русская культура… Точнее, пока существует российская экономика. Потому что, надеюсь, русская культура будет развиваться и после того, как рынок завершит свое существование и превратится во что-нибудь следующее.

Е. Черных: – Идут разговоры, что у нас особый свой путь, нам не нужно ничего западного. Или, наоборот, это путь в тупик, мы только с Западом можем идти, и русскость в конечном итоге погубит страну. Ваше мнение?

М. Делягин: – До сих пор помню, как один наиболее уважаемых властями и СССР, и нынешней России телеведущий ответил на вопрос о главных проблемах России. Первая, по его мнению, это православие, которое якобы несовместимо с рыночной экономикой. Хотя это было опровергнуто давным-давно, и западные социологи в начале XX века, начиная с Вебера, просто принципиально не захотели принимать во внимание аргументов своих собеседников, в частности – Сергея Булгакова, великого русского философа.

А в качестве второй проблемы было названо то, что в наших паспортах до сих пор есть графа «Национальность». Это было в 2004 году, когда такой графы уже давно не было, но либерального телеведущего это не заботило. У него, вероятно, был какой-то другой паспорт. Хотя он числит себя большим патриотом России.

Так вот, разговоры о том, что русская культура ведет российскую экономику куда-то не туда, обладают примерно таким же уровнем адекватности, что и высказывания этого деятеля.

Культура – основа общества, как генотип – основа организма. Это самое устойчивое, что в любом обществе есть, это его становой хребет, и попытки заставить кого-то отказаться от своей культуры представляют собой попытки заставить его покончить жизнь самоубийством.

Е. Черных: – То есть культура – это не только литература, матрешки и балалайки?

М. Делягин: – Даже литература и фольклор – детали, достаточно частные проявления. Культура – всеобъемлющее понятие; она определяет то, как человек ощущает себя в мире и как он себя в нем ведет.

Е. Черных: – И как хозяйствует.

М. Делягин: – Да. В том числе, как хозяйствует, как общается, как договаривается с другими людьми. Это квинтэссенция общества и даже цивилизации.

Причем культура – вещь даже более устойчивая, чем народ, в определенном смысле слова, и уж точно более устойчивая, чем государственность…

У нас ведь было четыре типа государственности. Сначала государственность Московского царства, потом была Российская империя, которую точнее называть Петербургским самодержавием, затем – Советский Союз. Четвертый этап – то, что происходит сейчас: интенсивная коррупция под прикрытием пустопорожних разговоров о модернизации. Отличия между этими периодами колоссальны.

Более того: от периода к периоду во многом менялся и сам народ. Ведь исторический русский народ и новая историческая общность людей – советский народ – весьма существенно отличались друг от друга, подобно тому, как сын весьма существенно отличается от отца.

И российский народ, который сейчас мучительно формируется, – это не прежний советский народ, и это отнюдь не попытка вернуться на сто лет назад, к тому русскому народу, который существовал до революции.

Таким образом, у нас получается минимум три сменявших друг друга народа, объединенных общей русской культурой. Именно общность культуры позволяет нам говорить о единстве нашей цивилизации, единстве нашей истории, говорить, что Советский Союз был продолжением царской России в новых исторических условиях, а нынешняя Россия – продолжение и наследница Советского Союза в нынешних условиях.

Е. Черных: – Было московское царство, потом питерское самодержавие, потом Советский Союз со столицей в Москве, а теперь Россия, которая связана с Питером.

М. Делягин: – Очень непоследовательно связана с Питером. Но зерно истины здесь есть: думаю, что Москва не должна быть столицей России. Это мое старое убеждение как москвича. В конце концов, некоторых представителей управляющих структур надо из Москвы куда-нибудь выселить: если не на 101-й километр и не в Магадан, то хотя бы куда-нибудь.

А если серьезно – в Москве слишком высока административная нагрузка. Столицей должен быть небольшой, исторический российский город, находящийся в суровых природных условиях. Последнее важно – чтобы туда ехали руководить, а не за красивой жизнью. По этому пути пошел, кстати, Назарбаев, под именем Астаны сделавший столицей Казахстана Целиноград.

Понятно, что Туруханск делать столицей нельзя: слишком сильны «неправильные» исторические ассоциации. Тобольск уже «занят»: насколько могу судить, он постепенно – и в силу тех же причин, кстати, – будет становиться духовной столицей Русской православной церкви.

Думаю, лучший вариант для столицы России – город Енисейск в Красноярском крае, небольшой и с очень богатой историей, «отец сибирских городов», находящийся сейчас, как и большинство таких городов, в чудовищном состоянии.

Е. Черных: – Расположенный в центре России?

М. Делягин: – Не совсем, географический центр России находится в небольшом озере в Красноярском крае, но это не главное. Важно ограничить желание ехать в столицу просто так – чтобы чиновники были более бескорыстны.

Возвращаясь к теме: в нашей стране только после воссоздания единого централизованного государства было четыре типа государственности. И, более того, – три цивилизации, переходящие одна в другую.

Что их скрепляет? – Русская культура, которая как была, так и есть. И будет. Это важнейшее, что у нас есть.

Можно говорить высоким штилем: мол, Пушкин, Гоголь, ненавидимый нашими либералами Достоевский, Толстой и так далее. Но культура-то была задолго до Пушкина.

Эти гении – символы нашей культуры, но нам важны не символы, не повод гордо побить себя пяткой в грудь или оплевать себя, – нам важно понять, как же мы устроены, на что и как мы реагируем.

Это важнейшая, сугубо практическая потребность. Ведь, когда закончится системный кризис, нам придется мучительно возрождать Россию, возобновлять становление российской цивилизации не как сообщества вольных или невольных, сознательных или бессознательных паразитов, но как самостоятельной творческой силы. Придется слезать, как с разрушившейся

печи, с «советского наследства», и вставать на свои собственные ноги. И для того, чтобы они не подломились, очень важно понимать, кто мы такие.

Не познав самого себя, действовать так же бессмысленно и опасно, как и не познав объекта своего действия. Нам нужно полностью использовать свой позитивный потенциал и заблаговременно нейтрализовывать, насколько это возможно, наши негативные черты.

Самое главное, что мы настолько привыкли к своим особенностям, что часто их даже не сознаем.

Например, есть такая вещь, как «граница гуманизма». Большинство культур очень четко делят людей на «своих» и «чужих», очень четко проводит границу между обладающими всей полнотой прав человека и остальными, которые как бы не вполне люди, хотя биологически вроде бы являются людьми.

Е. Черных: – Голова, две руки, две ноги.

М. Делягин: – Как говорил Аристотель, «двуногое без перьев». Эта граница проводится разными культурами по-разному. Носители многих культур, которые очень хорошо и подробно описаны, считают людьми в полном смысле слова лишь своих кровных родственников. Это очень серьезная вещь: если вы не кровный родственник, вас могут обидеть, причем иногда довольно серьезно. Потому что прав у вас никаких на самом деле нет, и, если вы не защищены, например, обычаем кровной мести, то вы никто и звать вас никак, и это для носителя определенных культур нормально.

Да, это архаичная культура, но оружие у ее представителей вполне современное, – и потому нужно всегда понимать, с кем вы общаетесь.

Общеизвестны культуры, которые не считают людьми в полном смысле этого слова представителей другого народа, другой расы или другого вероисповедания. И это есть до сих пор. Последовательный кальвинизм, например, до сих пор отказывает беднякам в праве быть полноправным человеком. Да и во многих совсем не кальвинистских странах бедняки не имели прав, в том числе политических, очень долго.

Почитайте «Федералист» – сборник статей мыслителей, которые создавали Америку. Эта философско-политическая проза – потрясающий документ. Его авторы решали задачу: как сделать так, чтобы народ не принимал участия в управлении государством, но при этом был абсолютно доволен? Это сложнейшая не столько философская, сколько практическая задача, которую решили, насколько можно понять, весьма успешно.

В конце концов, была диктатура пролетариата. Она тоже отказывала в праве на существование по социальному признаку.

Е. Черных: – Всяким интеллигентам, кулакам.

М. Делягин: – В первую очередь – богачам и священникам. Во вторую – буржуазной интеллигенции и буржуа; кулаки-то ведь не были богачами. Другое дело, что она просуществовала недолго, потому что с такими настроениями сложно жить, и очень быстро гуманизировалась.

Но она была.

Есть культуры, которые не считают человеком женщину. Правда, в некоторых других культурах женщина, едва перестав быть объектом купли-продажи, показала пальцем на мужчину и сказала «Это мое!», но это уже философский юмор.

Может возникнуть ощущение, что это все в далеком прошлом, что это какая-то архаика, дикость, первобытность, глупость, от которых все прогрессивное человечество стремительно уходит семимильными шагами.

Но давайте посмотрим, как устроена самая прогрессивная в социальном отношении часть человечества. Американская культура, – не общая, не народная, а политическая, – очень инте-

ресна. Насколько можно понять, люди признаются в ней людьми в социальном смысле этого слова по одному из трех признаков.

Первый: образ жизни. Люди – это те, кто живут в условиях, которые американское государство признает демократией.

Второй критерий: это люди, которые живут в других условиях, но искренне стремятся к демократии. Причем степень искренности определяет опять-таки американское государство.

И, наконец, третий – это политическая целесообразность: людьми признаются те, кто живет в странах, которые являются союзниками США.

Обратите внимание: это абсолютно субъективный и сугубо прагматичный подход. Бывает так, что меняется администрация, и круг тех, кто признается людьми, меняется достаточно жестко и неожиданно, – как и круг тех, кто людьми не признается и кого поэтому можно совершенно спокойно физически уничтожать на основании сколь угодно нелепых выдумок и обвинений.

Так что игнорирование неотъемлемых прав тех или иных категорий людей, непризнание их людьми в социальном смысле слова – это не только архаика. Вот вам самая передовая часть современного человечества, – говорю это без всякой иронии, – и мы видим то же самое, только в профиль!

Е. Черных: – У вас нет демократии? Тогда мы летим вас бомбить!

М. Делягин: – Дело еще и в том, что отдельный человек имеет меньше возможностей как-то защитить свои права перед этим современным государством, чем перед некоторыми архаичными монстрами. Например, если вы доказали человеку из архаичного общества, что вы его родственник, хоть и через десятое колено, – вы человек. Если вы рьяному упертому католику сказали, что принимаете католичество, – вы человек. Но вы ничего не можете сказать американской администрации, потому что она далеко, и вы никак не можете повлиять на свое правительство, чтобы оно стало вассалом США и тем самым сделало вас человеком в их глазах! Вы беспомощны, здесь у вас меньше шансов, чем даже в некоторых архаичных обществах.

Е. Черных: – И более жестоких.

М. Делягин: – И здесь тоже вопрос дискуссионный. Потому что, если вы не человек, вас можно обвинять в чем угодно, вас можно «вбомбить в каменный век», – это дословная цитата одного уважаемого американского руководителя, – и морить химическим оружием, как тараканов.

Мы знаем эту практику. И она считается нормальной. В крайнем случае, перед вами посмертно извинятся. Или скажут, как объяснил свои действия летчик, разбомбивший колонну беженцев: «Я же солдат демократии». Мол, по отношению к тем, кто в ней не живет, я имею право на все.

Это серьезно.

Это кажется сборником отклонений от нормы. Но, когда отклонения от нормы становятся массовыми, речь не об отклонениях – речь просто о другой норме.

До последнего времени история человеческой цивилизации была связана с неуклонным расширением круга признаваемых людьми. Это и было содержание социального прогресса.

Увы – глобальный экономический кризис создает здесь некоторую опасность, что все пойдет вспять. Просто исходя из чисто коммерческих и экономических интересов.

Но русская культура – чуть ли не единственная культура современного мира, которая априори воспринимает как человека в социальном смысле слова – то есть не просто «имеющим права», но «равного себе по правам» – любого, являющегося человеком биологически.

Можно говорить, что в этом подходе выражается всеобщий, всеохватывающий гуманизм, космизм, перекидывать мостики к философам и рассказывать, как это замечательно.

Но это не всегда замечательно. Когда вам кого-то нужно обаять, – да, это полезно. Затюканные колониализмом – старым или новым – вдруг обнаруживают, что к ним относятся по-человечески, и этой благодарности хватает надолго. Ведь в Афганистане «шурави», то есть «советских», поминают добрым словом до сих пор, даже многие из тех, кто с нашими там воевал, я это могу судить и по личному общению.

Потому что носитель русской культуры ко всем людям относится по-человечески, как к людям. И создает этим очень яркий контраст по сравнению с поведением представителей некоторых других культур, претендующих на большую развитость, чем мы.

С другой стороны, когда вас считают едой, а вы думаете, что вас считают человеком, – вы уязвимы.

Прошу понять: все черты русской культуры, о которых я буду говорить, объективны. Они не хороши и не плохи, они просто есть, и изменить их, по крайней мере, на жизни нашего поколения, нельзя.

Если управляющая система умеет соответствовать этим чертам, они превращаются в конкурентное преимущество. Если нет – они тянут страну на дно.

В частности, восприятие в качестве равноправных и равнозначных нам любых людей настолько органично для нас, что мы его уникальности не сознаем вообще. Лишь когда нас начинают резать как баранов или, как частный случай, морить либеральными реформами, – лишь тогда у нас возникают смутные подозрения, но мы боимся себе признаться в собственной уникальности, потому что истово верим, что все люди такие же хорошие и цивилизованные, как и мы сами.

В конце концов, мы решаем проблему непонимания окружающего мира обвинением конкретных «врагов» в конкретной «бесчеловечности».

А ведь проблема не у них – проблема у нас.

Проблема не в «бесчеловечности» наших конкурентов, а, напротив, во «всечеловечности» русской культуры, которая действительно уникальна в этом отношении.

Можно говорить, что эта особенность вызвана многоплеменным, по мере расширения – многонациональным характером русской культуры. Можно говорить, что она вызвана многонациональным характером русского этноса, который расширялся тоже очень здорово.

Е. Черных: – Как писал поэт, «затерялась Русь в мордве и чуди».

М. Делягин: – Да. Кто-нибудь вообще помнит, что, скажем, чуваши, которых в России даже сейчас больше, чем чеченцев, удмурты, мари, мордва – это абсолютно самостоятельные, отдельные от русских народы? Мы все это, конечно, признаем на словах, но, глядя на представителей этих народов, однозначно идентифицируем их как русских, и большинство их тоже считает себя русскими, в крайнем случае «русскими удмуртами». Да, они с Волги, да, у них там есть своя специфика, но в целом – конечно, русские, какие вопросы?

И нам нельзя забывать потрясающую на самом деле вещь: очень долго Россия, да и сам русский народ формировались именно за счет признания «своими» людей других наций и даже религий. Если человек был нормальным, его признавали русским, и это был способ существования не просто государства – это был способ существования народа.

С точки зрения теории это означает очень важную вещь. Это значит, что наше общество еще до Московского царства складывалось, выражаясь западным языком, как «политическая нация», то есть как сообщество людей, объединенных даже не образом жизни – образ жизни был часто разный, – а ценностями. И потому это общество было максимально открытым для всех, готовых разделять эти ценности.

Когда нам объясняют: мол, вы быдло, вы никто, вы азиаты и коммунисты, хорошо хоть, не «пархатые коммунистические казаки», – это стоит помнить. Политики у нас, может, пока

временно и нету, но вот политическая нация у нас есть с тех времен, когда на Западе еще такого понятия не было, и не было даже самого слова «политика».

Именно поэтому мы считаем человеком, равным себе, обладающим всеми правами, не только «своего», но и всякого, кто потенциально может стать «своим». То есть всех, кто не преступник, не враг, кто не доказал свою неспособность к сотрудничеству.

И это имеет практические выводы. Потому что именно всечеловечность русской культуры делает недопустимыми вновь активизировавшиеся попытки урезать границы России до территорий исторически населенных русскими регионов. Эта идея продвигается именно либеральными фундаменталистами, профессиональными «западниками», а в последнее время – и примкнувшими к ним «национал-демократами»: такими же либеральными фундаменталистами, только из якобы патриотического лагеря, пытающимися низвести Россию до состояния «недо-Эстонии». Эта идея порочна не только из-за практических проблем. Не только потому, что непонятно, к югу или к северу от Мурманска лежит реальная граница Северного Кавказа, не только потому, что непонятно, зачем России отдавать свои нефть и газ китайцам или кому-то еще.

Главная, фундаментальная порочность этой идеи – полное отрицание русской культуры, всечеловеческая сущность которой прямо требует считать своим любого, кто осознанной подлостью обратного не доказал.

Вот это принципиально. Это практический вывод из наших особенностей. Не потому, что мы патриоты, и поэтому нам не нужно сжиматься до границ XV века. Не потому, что мы корыстны и хотим сидеть на нефти.

Е. Черных: – «Расея моя, Расея, от Волги и до Енисея».

М. Делягин: – За эту песню я не знаю, что нужно сделать с автором. Мелодия-то хорошая, но…

Е. Черных: – Но слова, если вдуматься…

М. Делягин: – Человек просто злоупотребляет гуманизмом послесталинского времени. Сильно злоупотребляет.

Готовность в качестве не просто партнера и союзника, но и «своего», равного себе, принять почти любого человека, проявляется в том числе в отсутствии в нашей культуре образа абсолютного зла. Это очень резко отличает нас от европейцев. У них есть понятие «абсолютное зло», непримиримое и в принципе неисправимое, – а у нас зло почти всегда относительное. Особенно ярко это проявляется в народных сказках, которые наиболее полно отражают вообще любую культуру любого народа, это вещь архетипическая.

Может быть, отсутствие образа абсолютного зла – результат длительного симбиотического существования под игом Золотой Орды, которая, с одной стороны, была злом, а с другой – объектом постоянного сотрудничества. Хотя бы для князей.

Е. Черных: – Хотя бы Александра Невского вспомнить.

М. Делягин: – Да, вот его, кстати, за дело святым признали.

Ведь главная его заслуга не в том, что он псоврыцарей под лед дважды спустил, а в том, что он регулярно ездил в эту Золотую Орду и договаривался.

Е. Черных: – И спас Россию.

М. Делягин: – Тот северо-западный ошметок, который был тогда Россией. И умер-то он на переговорах. Есть гипотеза, что он слишком хорошо их вел, так что ордынцы просто не знали, что с ним делать, и от дипломатического бессилия отравили.

А из бесспорных фактов стоит вспомнить, как в сказках добрый молодец договаривается с Бабой Ягой – символом Золотой Орды, и в итоге оказывается хитрее ее. Да и со Змеем Горынычем, и с Кощеем Бессмертным перед схваткой идут почти бесконечные разговоры.

Это органическая часть культуры: у нас абсолютного зла нет, а на Западе оно есть, причем почти во всех сказках.

Советская культура восприняла, хотя и предельно фрагментарно, образ абсолютного зла только в результате Великой Отечественной войны. У нас сейчас в языке есть слово, которое означает абсолютное зло. Это слово – «фашист». Но вся наша культура существует за рамками этого понятия, оно принципиально внечеловеческое. Сейчас, правда, либеральные реформаторы и воры, как их продолжение и порождение, потихонечку занимают это место. И ожесточение, связанное с этим, способствует обеднению русской культуры и снижению нашей конкурентоспособности.

В целом отсутствие или, как минимум, слабость образа абсолютного зла упрощает общение с представителями других культур, обеспечивает высокую гибкость и способность не только вести плодотворные переговоры, но и вызывать к себе долговременную симпатию.

А с другой стороны, когда мы сталкиваемся с людьми, у которых в культурном типе есть понятие абсолютного зла, и когда эти люди нас в эту категорию абсолютного зла по каким-то причинам зачисляют – достаточно вспомнить «империю зла» Рейгана, кавказских бандитов, русофобию некоторых прибалтийских и польских руководителей, – мы просто не понимаем ситуации. И, соответственно, ведем себя неадекватно. Потому что мы не понимаем, как можно считать когото абсолютным злом.

Но главное в русской культуре, наверное, – стремление к справедливости, к правде. Даже Чубайс это вынужден был отметить.

Причем это стремление почти религиозное. Справедливость – не просто высшая абстрактная ценность. Это абсолютно самостоятельная ценность, которая резко отделена от практических и корыстных интересов. Это касается и человека, и коллектива. Носитель русской культуры подчиняется сознаваемой им справедливости слепо и беспрекословно, как воинскому начальнику. Это открывает широчайший простор: и для манипуляции, и для мобилизации. Ведь если человеку объяснить, что лично ему не выгодное, тем не менее, является справедливым, он это невыгодное будет делать без тени сомнения. И защита своих интересов в данной ситуации воспринимается как нечто совершенно недостойное.

Русской культуре свойственно предпочтение справедливости не только перед личными, но и перед групповыми интересами, в том числе – интересами друзей и семьи. В результате стремление к справедливости приобретает иногда бесчеловечный характер. Недаром только у нас говорят, что справедливость – очень жестокая вещь.

Стремление к ней подразумевает требовательность. С ее точки зрения, пренебрегающий своими обязанностями человек недобросовестен, так как перекладывает свою часть ноши на остальных и пытается тем самым жить за их счет. Это, конечно, умеряется ленью. И это не распространяется на начальство, что очень забавно. В положение начальства входят и прощают ему что угодно, в том числе и то, что не прощают своим близким.

Даже само слово «начальство» – не «руководство», а именно некто неопределенный, кто «дает начало»: это же, практически, божественная функция. Но в отношении равных себе действует классическая формула: «Человек имеет право, пока исполняет свои обязанности». Это проявление справедливости.

Впрочем, наиболее популярной чертой нашей культуры, вокруг которой больше всего копий сломано, является борьба индивидуализма и потребности во внешнем объединении, пусть даже насильственном. Это жесточайшая внутренняя борьба, а не борьба двух философских течений. Единство и борьба этих двух противоположностей не просто свойственна русской культуре, – она является ее движущей силой и, более того, создает эту культуру.

Как только вы встаете целиком на одну из этих позиций – вы сразу выпадаете из русской культуры, слетаете с русской почвы на Запад или на Восток, но с одинаковой неотвратимостью.

Русская культура – это гремучая, но гармоничная смесь индивидуализма и коллективизма. Политическая победа любого из этих двух начал полностью дестабилизирует общество и разрушает его.

Причина сосуществования этих противоположностей представляется вполне прозрачной.

Исторически русская культура складывалась в крестьянских хозяйствах, которые экономически были по-европейски самодостаточны. Прекрасно могли обойтись без какой бы то ни было внешней помощи, и потому были готовы стать первично самостоятельной ячейкой и основой общества, как в развитых странах Европы.

Но внешняя среда была абсолютно другой. И в этой среде эти европейские хозяйства были исключительно уязвимы. Кочевники и разбойники, которым большие пространства и растянутость коммуникаций давала больше шансов, чем Европе, редкость населения, княжеские усобицы, а затем и татаро-монгольское иго создавали постоянную необходимость защиты, объединения перед лицом внешних опасностей.

И формула российского общества – это **принудительное внешнее объединение**, в том числе под воздействием объективных причин, **полностью свободных внутренне элементов**. При этом такая внутренняя свобода доходит иной раз до состояния отмороженности. Ведь пушкинская «тайная свобода» на западные языки принципиально непереводима. Внешне я подчинен, а внутри абсолютно свободен и в любой момент могу нарушить правила, – просто я понимаю, что мне за это будет. Хорошо помню это состояние полной внутренней свободы по службе в армии.

Но для западного сознания непонятно, как внутренняя свобода может быть «тайной», а для восточного – как она вообще может быть.

Таким образом, эта формула – наша. И на практике это выглядит, как индивидуальное исполнение коллективных обязанностей, а в коллективе – еще и сосуществование конкуренции и солидарности в каждой точке. Любой наш коллектив раздирается жесточайшей внутренней конкуренцией, лютой, без правил. И тот же самый коллектив по отношению к внешнему миру выступает абсолютно монолитно.

В политике принудительное внешнее объединение обособленных самостоятельных единиц проявляется как симбиоз носителя русской культуры с государством, но не наоборот: относительно своих граждан государство является отдельным образованием.

Для нас государство и страна – синонимы, и все попытки разделить их безнадежны. Есть народы, которые живут в ландшафте, в рамках закона, в бизнесе. **А мы живем в государстве**.

Носитель русской культуры ощущает себя отдельной личностью лишь постольку, поскольку является частью страны и государства. Отсюда фантастическая вещь: личность воспринимает свои права, как заведомо подчиненные интересам страны, воплощаемым в себе государством. И если это государство не зверствует и обеспечивает хотя бы самый умеренный и тихий прогресс, личность находится с ним в гармонии.

Потому что г**осударство – сверхценность русской культуры**.

Это не любимый либеральными фундаменталистами «ночной сторож» с министерской зарплатой и замком в Швейцарии, нет.

Государство – это форма существования русского народа, причем, единственная форма, доступная нам на протяжении, как минимум, вот уже нескольких столетий. Это социальная среда и скрепа, которая обеспечивает существование народа. Это не хорошо и это не плохо, это есть.

Ведь самые ярые нападки на ненавистную бюрократию включает использование слово «наш». Это фантастика! «Наши негодяи» на английский язык не переводится.

И слитность с государством дает российскому обществу колоссальную силу, когда мы едины. Когда же государство от нас отворачивается, – мы беспомощны и ничего не можем сделать. Очень важно, что симбиоз личности с государством делает невозможным внедрение в российское общество любых институтов и любых правил, основанных на отделении личности от государства: они просто не работают, глохнут, как автомобильный двигатель под водой. К моему глубокому сожалению, в эту категорию попадает и западная формальная демократия.

Демократия как способ максимально полного учета государством мнений и интересов общества у нас будет. Но другим способом, потому что на Западе она основана на суверенитете личности от государства, а у нас суверенитет с государством общий, неразделенный и не делимый на частные квартиры.

Проявлением этой неразделенности, слитности является и легендарная пассивность носителей русской культуры – то самое терпение русского народа, за которое после Победы истово пил Сталин.

В формировании этой пассивности ключевую роль сыграла «власть пространств над русской душой», о которой говорил еще Бердяев: всегда есть куда бежать. Наша страна росла за счет бегства населения на окраины, причем и в советские годы тоже. Тогда правило было простым: если вы специалист, хотите иметь более высокий уровень жизни и больше личных свобод – езжайте на Север или в национальную республику, вас там будут любить, холить и лелеять (хотя уже с конца 70-х годов русским специалистам во многих таких республиках приходилось уже туго).

Играло свою роль при формировании пассивности и длительное жестокое угнетение, и скудость ресурсов, которое ограничивало базу любого сопротивления и делало его рискованным. Ну, и европейское ощущение ценности своей жизни, потому что было, чем рисковать.

Но это терпение создает колоссальный соблазн и одновременно вызов для любой системы управления. С одной стороны, можно делать все, что угодно, – до определенного барьера прощают все. А с другой стороны, после этого барьера у общества «срывает крышу», и оно разносит все полностью, в щепки.

Эта разрушительность русского бунта вызвана симбиотическим сосуществованием общества и государства. Мы не можем протестовать против «отдельных недостатков». Советская власть, кстати, этого так и не поняла. Для нашего общества государство – вроде бога, от которого действительно «вся власть». И его либо принимают полностью, либо полностью же отвергают.

Поэтому, когда мы отвергаем порядок, мы отвергаем не какой-то конкретный порядок, нет. Мысль о том, что возможен другой порядок, более справедливый, становится достоянием значительной части общества только в исторически случайный момент. Обычно же мысль о возможности какого-то другого, понятного и конкретного порядка, просто не помешается в голове.

Если нас не устраивает конкретный порядок – нас не устраивает порядок как таковой. Это не революция против конкретной власти, это не протест против, условно, монетизации льгот, – это бунт против мироздания. Эта наша особенность очень важна для понимания нашей истории и практической политики.

Е. Черных: – Но то, что было в 1917 году…

М. Делягин: – Так было всегда. Можно вспоминать про Болотникова, можно про рубеж 80-90-х годов XX века. Никто ведь всерьез не занимался тогда построением какого-то нового порядка. Мы просто отвергаем власть дьявола и ждем, когда на нас снизойдет благодать божья. А потом огорчаемся, когда вместо благодати приходят совершенно «конкретные пацаны».

Это другая логика. Другое мироощущение, которое, вроде бы, приносит вред.

Но здесь есть очень интересный нюанс. Дело в том, что подспудно копящееся в обществе недовольство влияет на элиту, которая начинает бессознательно приспосабливаться, применяться к нему. И часть элиты заранее подстраивается под общество, хотя и безо всяких демократических институтов, – и возглавляет происходящий протестный взрыв или, как минимум, перехватывает часть его энергии, воспринимая бессознательный общественный запрос.

А это ведь та же самая демократия, «только в профиль» – только с другими механизмами. Да, беспорядок вместо всеобщих выборов. Да, большая разрушительность. А, с другой стороны, государству дается больше шансов одуматься. Это тоже в нашей традиции – давать шансы одуматься до последней минуты. А вот когда последняя минута истекла – ничего не поделаешь, «кто не спрятался, я не виноват».

Еще раз: это не хорошо и не плохо, это есть. И это не тот механизм, который мы изучали в институте. Да, очень неловко думать, что едешь в автомобиле, а потом вдруг обнаруживать себя на лошади. Но в определенных условиях она лучше – надо просто уметь использовать ресурсы.

Крайне важная часть общенациональной культуры – культура труда. В этой сфере мы отличаемся прежде всего тем, что не можем работать, да и вообще существовать без сверхзадачи.

Кроме того, нам свойственна весьма интересная трудовая мотивация: деньги важны, но важны не сами по себе, а лишь как символ справедливости. Поэтому их можно платить меньше, и поэтому у нас более экономное хозяйство.

И, наконец, наша культурная особенность: мы замечательно умеем делать то, что сложно и при этом не монотонно. Конвейер не про нас – нам нужно то, что требует сложного труда. Эта особенность изучена и названа «русским способом производства» западными социологами еще в начале XX века, до революции и до изобретения конвейера.

И это прекрасно, это дает нам место в конкуренции с Китаем, потому что культура Юго-Восточной Азии идеально соответствует конвейеру, а наша культура – следующему по сложности типу технологий, условно, «постконвейеру».

Наше дело – штучная, сверхсложная работа, которая и притягивает основную часть добавленной стоимости. Это наша конкурентная ниша, и она колоссальна. И это дает нам огромную возможность, просто нужно понимать, как ее использовать. Если будем запихивать себя в конвейер – сломаем шею, а если будем понимать, кто мы такие и как устроены – нет проблем.

Е. Черных: – А в чем конкретно может проявиться наша штучность?

М. Делягин: – Вспомните: мы отвратительно делали легковые автомобили. И у нас были совсем неплохие часы, которые требовали чуть более сложной работы. А уж про боевую технику я молчу. Совсем не только потому, что все ресурсы были брошены туда. Гражданские самолеты тоже были отличные и даже экономные, хотя об этом думали в последнюю очередь.

Потому, что это более сложная деятельность, которая требует не конвейера, а бригадного подряда, говоря по-старому, и высококвалифицированных рабочих, которые, по сути дела, являются инженерами.

Вот к развитию таких производств нам и нужно «выруливать».

Да, общие, глобальные закономерности никуда не делись – они действуют. Но при реализации их мы должны учитывать и свои особенности – управленческие, политические, трудовые.

Кстати, о трудовых: авральность мы тоже должны обязательно учитывать при любом планировании. Сначала раскачка – потом аврал, и это неважно, сколько времени отводится на работу: год или 15 минут. 15 минут дайте на выполнение работы, которая занимает час, – и

человек все равно первые две минуты будет задумчиво и с чувством курить. Это закон природы – нашей природы, и его нужно учитывать.

При неправильном управлении это наша слабость. Но при правильном – сила.

06.12.2009

Лидер XX века

М. Делягин: – «Не календарный – настоящий» XX век был открыт фигурой Ленина, прошел под знаком поклонения ему доброй половины человечества и завершен беспрецедентной хулой в его адрес.

Так бывает.

Как сказал продолжатель его дела, «после смерти на мою могилу нанесут горы мусора, – но ветер истории развеет их».

И мы видим, что уже развеивает.

Разочарование людей, обнаруживающих под маской «самого человечного» бога вроде бы вполне обычного человека, с романами, болячками и ошибками, безмерно – и понятно.

Не зря ведь сказано «Не сотвори себе кумира».

И я совершенно не готов оспаривать конкретные обвинения, выдвигаемые в его адрес, начиная с того, что в свободные минуты он возился не с первыми попавшимися детьми, а с детьми высокопоставленных коммунистов, и кончая тем, что он якобы отдавал приказы об убийствах детей.

В конце концов, мне приходилось видеть аналогичные по значению приказы, отдаваемые не 90 лет назад, а совсем недавно, здравствующими ныне, благополучными, уважаемыми и влиятельными людьми.

Работа с изнанкой истории воспитывает цинизм. И в рамках этого рассмотрения я готов, в отличие, думаю, от большинства читателей, принять все обвинения.

Просто потому, что истории, как это ни печально, важен результат.

Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина – тактическая гениальность. Это воистину великий прагматик.

Способность быстро, почти мгновенно оценить ситуацию, расставить приоритеты, с железной волей следовать им, продавливая через все и всяческие препятствия, – а потом, увидев, что ситуация поменялась, резко и беспощадно к мешкающим и не понимающим развернуться, хоть на сто восемьдесят градусов, и решительно двинуться в новом направлении.

«Решительно» в ленинском стиле – означает с железной последовательностью, стремительностью и изобретательностью, позволяющей за счет тактической гибкости опережать более мощных противников и обтекать казавшиеся вроде бы непреодолимыми препятствия.

Именно за эту беспощадную и всепоглощающую последовательность, не останавливающуюся ни перед какими внутренними или внешними препятствиями, его назвали «мыслящей гильотиной».

Это об этом стиле сказал Рождественский: «Повороты бывали всякие, пробирающие, как озноб. Даже самых сильных пошатывало, слабых – вовсе валило с ног».

Однако даже слабые, за редким исключением, не бросали его и не отбрасывались им, а получали возможность оправиться и вернуться в строй – и, в результате, качественно усиливали ленинскую организацию. Причина этого – в ленинском характере, в хрестоматийном «он к товарищу милел людскою лаской», во внимании и заботе к своим соратникам – достаточно вспомнить многократные прощения «иудушки Троцкого», возвращение дважды дезертировавшего (сначала к жене в Швейцарию, а затем к левым эсерам по время их мятежа) Дзержинского, прощение разгласивших дату выступления против Временного правительства Зиновьева и Каменева.

Ленин далеко не всегда поддерживался ими, часто был в меньшинстве, а часто вызывал насмешки – достаточно вспомнить реакцию руководства партии на кажущиеся сегодня хрестоматийными «Апрельские тезисы». Однако не свойственная времени и среде человечность,

проявляемая им, качественно усиливали его политический ресурс, создавали дополнительный, не видимый ни друзьям, ни врагам «запас прочности».

А «не отступать, не сдаваться», через любые препятствия и любыми маршрутами идти к сияющей путеводной звезде, не теряя ее из виду, помогала колоссальная личная энергетика.

Один из очевидцев событий 1917 года вспоминал, как пришел на митинг с участием Ленина, который проходил в цирке. Автор мемуаров сидел на верхних рядах, а внизу, на арене что-то кричал, почти бегая по ней кругами, маленький рыжеватый и лысоватый мужчина. Микрофонов не было, акустика была плохой, и не только слов Ленина, но и общего смысла произносимого им невозможно было разобрать. Но человек запомнил это выступление на всю жизнь не потому, что выступал Ленин, – в то время отношение к нему было значительно проще, чем в фильме «Ленин в Октябре», и обычные люди часто не выделяли его особо из общего ряда революционных вождей. Он запомнил Ленина потому, что был потрясен колоссальной позитивной энергией, буквально распиравшей этого маленького человека, – энергией, которой он заполнил и воодушевил весь цирк, основная часть которого просто не слышала его слов.

Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными суетливыми метаниями. Они были всецелом подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всем протяжении своей сознательной жизни четко и однозначно.

Уникальность Ленина – именно в сочетании тактика и стратега. В этом отношении он был универсалистом, обычным в эпоху Возрождения и столь редким для специализированного XX века.

Не потерять из виду стратегическую цель на протяжении всей жизни он смог только потому, что, помимо политика, был еще и разносторонним ученымполитэкономом, круг интересов которого протирался от экономической статистики до философии.

Наука занимала в его системе ценностей, безусловно, второстепенное значение и была, как и все остальное в жизни, подчинена цели построения нового, более справедливого общества. Именно это обусловило пламенную односторонность ряда его исследований, – но никакой практический интерес не убивал в нем ученого, не отвлекал его от поиска и нахождения истины.

Ветер века дул в его паруса: научная истина открывала перед ним дорогу в будущее.

Мышление Ленина, в отличие от мышления многих тогдашних и сегодняшних профессиональных кликуш от политики, было осознанно-диалектичным; рассматривая значимые явления (речь, конечно, не идет о публицистике «на злобу дня»), он последовательно проводил свою мысль через отрицание отрицания, не останавливаясь, вплоть до фиксации перехода количества в качество, и не стесняясь (когда это, естественно, не противоречило текущим политическим нуждам) признавать единство борющихся противоположностей.

Именно сознательное следование «по диалектическому маршруту» вкупе со стремлением максимально полно и всесторонне рассмотреть изучаемое явление обусловило знаменитое спиральное движение ленинской мысли, вбивающее в глухое отчаяние конспектирующих его работы студентов.

Потрясающая дисциплина мысли наделила Ленина и его последователей «пугающим интеллектуальным превосходством» над своими противниками, которое вынуждены были признавать даже последние.

И отнюдь не личная трагедия, но научное изучение своего общества показало Ленину, что царизм нереформируем, что его невозможно улучшить «изнутри», – и, следовательно, ему невозможно помочь: его можно только победить.

Он укреплялся в понимании этого, видя, с какой неизбежностью, а порой и жестокостью избавлялся царизм от всех профессионалов, способных повысить его эффективность, – включая самых верных и близких, вроде Плеве и Столыпина.

И это – в сочетании с колоссальной энергетикой буквально клокочущих тогда масс – вселяло в него веру в неизбежность революции.

Конечно, руки опускались, и отчаяние брало за горло, и вырывалось, что революция в России будет не при его жизни.

Что с того? Как и все великие люди, он работал на будущее, а не на поздний вечер сегодняшнего дня.

Он видел цель не для себя – для всей страны, а в конечном счете, и для всего мира, – и только это позволило ему дойти до нее.

Согласитесь: в настоящее время здоровые силы России находятся в пугающе похожем положении.

Россия является страной с самой непредсказуемой историей в силу своей фантастической открытости для общемировых тенденций. Никакой «железный занавес», никакой изоляционизм, никакая гордость, никакие победы над Западом не могут помешать тенденциям общеевропейского (а теперь уже и глобального развития) проявляться в нашей общественной жизни – часто раньше и более ярко, чем в остальном мире.

В результате этой открытости развитие России определяется двумя, в долгосрочной перспективе – равнозначными факторами: внешним влиянием и внутренними процессами собственного развития.

В результате идеологизация – профессиональное заболевание большинства историков – позволяет им видеть лишь половину общественного развития.

«Почвенникам» унизительно признаваться, что проклятый загнивающий Запад влияет на Россию столь же глубоко и серьезно, как и сама она, а «западники» точно так же не способны признать, что «холопы» и «быдло» способны определять свою судьбу ничуть не в меньшей степени, чем блистательные ясновельможные паны и просвещенные масоны.

Ленин виртуозно использовал оба фактора развития России, за что его порицают усиленно и, с моральной точки зрения, вполне справедливо.

Не будем лишь забывать реалий того времени. Так, во время русско-японской войны японская армия, по некоторым сообщениям, покупала лучшие в то время винтовки – трехлинейки Мосина, – производимые даже не на казенных заводах, а на заводах, находившихся в собственности царской семьи. Да, покупки делались, конечно, через третьи руки, но для заинтересованных лиц были секретом Полишинеля, и чудовищность этого была такова, что даже большевики после прихода к власти просто застеснялись (при всей своей легендарной беспардонности) предавать огласке соответствующие факты. Таким образом, получая деньги от японцев, революционеры, – если это действительно было, – вероятно, просто следовали примеру царской семьи.

С другой стороны, рассуждения о том, что партия большевиков пользовалась-де неким покровительством царской охранки, как правило, не сопровождаются объяснением поведения последней. А ее мотивы – опять-таки, если такое имело место – были просты: большевики (в том числе просто из-за своей слабости) не вели, в отличие от эсеров, масштабного террора против государства, – и уже поэтому воспринимались как относительно конструктивная группа, являющаяся вполне приемлемой альтернативой оголтелым террористам.

Сегодня мы просто не можем себе представить ожесточения революционного террора. Общее число его жертв в 1901-11 годах составляет 17 тыс. человек. С февраля 1905 по май 1906 года, по официальным данным, было убито 8 губернаторов и градоначальников, 5 вице-губернаторов и советников губернских правлений, 4 генералов и 7 офицеров армии, 8 жандармских офицеров, 21 полицмейстер, уездный начальник и исправник, 57 урядников, 79 при-

ставов и их помощников, 125 околоточных надзирателей, 346 городовых, 18 агентов охраны, 85 гражданских чиновников, 12 священников, 52 представителя сельских властей, 51 землевладелец, 54 фабриканта и старших служащих на фабриках, 29 банкиров и крупных торговцев. А в 1907 году, после провала попыток вооруженных восстаний, в среднем убивалось до 18 человек в день.

Власть, выстоявшая под этим кровавым смерчем, была прочной и во многом самоотверженной, но ее представителям было страшно, и большевики, шедшие на преступления преимущественно ради грабежа, были если и не «социально близкими», то, во всяком случае, более приемлемыми.

Кроме того, не будем забывать результата этого сотрудничества: революции, едва не принесенной в Германию на деньги ее Генштаба, и одного из высших жандармских офицеров, уволенных во время Первой мировой войны за настойчивые указания на большевистскую опасность, а затем возвращенного из эмиграции и успевшего еще в 30-е годы потрудиться консультантом Сталина по деликатным вопросам.

Ключевой момент жизни каждого политика – приход к власти.

Для Ленина это 1917 год: между Февральской революцией и разгоном Учредительного собрания.

Февральская революция была демократической революцией в полном смысле этого слова. Объединенные лидеры буржуазии, интеллигенции и военных, вдохновленные помощью Запада (представителям которого нужно было разрушение империй для расширения рынков сбыта; процесс закончился лишь с распадом Британской империи), свалили самодержавие, принудили слабовольного царя к отречению в пользу младшего брата, который заведомо не хотел царствовать и отдал им власть, и…

И позорнейшим образом провалились во всех сферах общественной жизни.

Они сумели лишь развалить – армию, государство и саму повседневную жизнь, смытую не столько митинговой стихией, сколько начинавшейся разрухой.

Это ничего не напоминает вам, друзья мои, пережившие демократическую власть в начале 90-х и видящие либеральное информационное наступление сейчас, в начале 2010-х?

Временное правительство, состоявшее из исключительно умных, цепких и талантливых по отдельности людей, оказалось коллективным ничтожеством.

По очень простой причине: оно не имело содержательной позитивной программы.

Его члены хотели политических свобод – и взяли их, и дали их народу, – и оказались в полном недоумении перед тем простым фактом, что народ хотел не столько свободы слова, сколько хлеба, работы и мира.

А обеспечить всего этого Временное правительство не могло, ибо в тогдашней ситуации, как и в любом кризисе, для решения содержательных проблем нужно было ограничивать эти свободы, а главное – обеспечивать развитие.

Не на уровне болтовни о «модернизации», «инновациях», «борьбе с терроризмом» и «войне до победного конца», а на уровне решения конкретных проблем за счет реализации стратегических модернизационных программ.

То, что потом сделали «тоталитарные» большевики, вся вина которых заключалась в том, что они не путали демократию с импотенцией.

А ведь для своего времени именно Ленин был главным демократом – человеком, обеспечивающим максимальное участие в управлении максимально широкому кругу людей. И даже диктатура пролетариата, при всех зверствах и жестокостях, с точки зрения учета властью интересов и мнений большинства людей, была демократией по сравнению с устройством царской России – да и многих других тогдашних стран. Другое дело, что искренне считающие «людьми» только социальную верхушку всякого общества заметить это, по понятным причинам, не в силах.

Коммунизм охватил полмира и стремительно распространился во всему человечеству не из-за подкупа, лжи и спецопераций (хотя мы знаем, что все это было), но прежде всего потому, что в то время именно он был идеологией освобождения и раскрепощения человека, идеологией реальной, а не «суверенной» демократии. Не случайно США, разглагольствуя о свободе и демократии, в своей внешней политике последовательно поддерживали диктаторов и «давили» демократов вплоть до второй половины 70-х годов, когда Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека.

Но при Ленине, при большевиках наша страна была не только одной из самых жестоких и страдающих, но и одной из самых демократичных в мире – если, конечно, понимать под демократией не соответствие формальным правилам, а реальный учет властью интересов и мнений населения. Классическим проявлением этого стал поворот к нэпу: да, всецело вынужденный крестьянской войной, на которую не хватало уже снарядов и газов, но и демократичный по своей сути.

Сколько режимов рухнуло именно из-за своей недемократичности, из-за неспособности встать на сторону народа против себя вчерашних?

Второй кульминационный момент взятия власти большевиками (если не брать, конечно, непосредственно самого «Октябрьского переворота») – разгон Учредительного собрания, завершивший этот процесс.

Мы хорошо помним, что оно было избрано демократически – примерно как последние Верховные Советы СССР и РСФСР, разорвавшие нашу страну. Мы хорошо помним, что большевики, которым дефакто принадлежала власть, были в нем в меньшинстве (из-за чего и разогнали). Однако мы практически ничего не знаем о наказах, с которыми ехали на Учредительное собрание его депутаты.

А наказы эти были страшными.

Страна изнемогла в отчаянии Первой Мировой войны и демократического безвластия, она умывалась кровью, теряла силы и впадала в отчаяние.

Веры центральным властям было едва ли не меньше, чем сегодня федеральным, и не только практически все «национальные окраины», включая Украину, но и значительные регионы Сибири дали своим избранникам наказ добиваться выхода из состава России.

И те, как честные демократы, добились бы этого, уничтожив Россию, как уничтожили три четверти века спустя Советский Союз – безо всякой гражданской войны.

Да, большевики разогнали Учредительное собрание совсем не за это. Однако их тактический эгоизм и презрение к нормам умершего на тот момент права, как ни печально для любого юриста, были вполне оправданы с точки зрения национальных интересов России.

Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистичного общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом – и помимо его непосредственных замыслов, она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им руками, по человечку и камешку.

И потому в мировом историческом процессе он – победитель.

Е. Черных: – И теперь его в какой уже раз пытаются выбросить из Мавзолея.

М. Делягин: – Не будем забывать, что Ленин на Красной площади был не положен или что-нибудь еще, а именно «похоронен», как положено, и даже по церковным канонам – ниже уровня земли. Поэтому официальное требование либеральных фундаменталистов – похоронить Ленина – выглядит извращением здравого смысла: зачем хоронить второй раз?

На деле они, вероятно, просто хотят надругаться над могилой ненавидимого им человека, отомстить ему за успешный порыв огромных масс людей к свободе и просвещению, и прикрывают это свое желание благообразными терминами.

Е. Черных: – Последние годы о Ленине если и вспоминают, то только в связи с Мавзолеем. Вынести его, похоронить, оставить ли, – а все сконцентрировано на Сталине. Якобы в стране два лагеря – демократы и сталинисты. Он чуть не стал «Именем России». Но стал Александр Невский.

М. Делягин: – Александр Невский – тоже неплохо. А причины большей популярности Сталина по сравнению с Лениным просты. Ведь историческая функция Ленина заключалась в разрушении сгнившей системы. Он действительно гений – и тактик, и стратег. Ошибок делал много, но достаточно быстро исправлял большинство из них.

Ленин ведь был последний наш руководитель, который старался исправлять свои ошибки, конечно, если не брать Сталина и раннего Хрущева. Остальные наши руководители своих ошибок не исправляли и, насколько можно судить, не исправляют принципиально, даже осознавая их.

Так вот: эпоха Ленина была эпохой разрушения, хаоса. В горниле гражданской войне выковывалась основа нового общественного порядка, но она вышла на поверхность и наглядно реализовалась уже при Сталине.

Наше современное общество «наелось» разрушением, мы в этом разрушении пребываем уже более 20 лет, и 2000-е годы от 90-х в этом отношении отличались не принципиально. Пафоса было больше, «понтов» было немеряно, гламур вонял вовсю, разговоры велись правильные, а объективные процессы продолжались те же самые. А в социальной сфере ситуация даже усугубилась, потому что в 90-е годы еще держался советский запас.

В силу этого человек эпохи разрушения – герой не нашего времени.

А вот у Сталина совершенно другая историческая функция. Он человек, который карал и созидал, – делал то, в чем наиболее нуждается современная Россия.

Причем карал он не только и не столько, выражаясь современным языком, «начальство», сколько народ. Но, поскольку жаловалось на него именно «начальство» в лице интеллигенция и руководителей разных сортов, в общественном сознании зафиксировалось, что он карал именно «начальство».

Зафиксировалось, что Сталин наказывал руководителей разного рода за преступления против своей страны, своего народа. Он выступил своего рода Воландом, который наказывает по заслугам, но вне права, потому что права нет. Ведь начало эпохи Сталина – это принципиальный отказ от права в нынешнем его понимании. Нам не нравится председатель Центризбиркома, ничего не смыслящий в избирательном законодательстве, а в то время, по инерции гражданской войны нарком юстиции (!) просто говорил, что факт или отсутствие факта преступления не важно, а важно социальное происхождение. И ведь порожденный этой логикой термин «социально близкий» держался очень долго – до эпохи Хрущева, – а в 2000-е годы был вновь введен в оборот практикой пришедших к власти «юристов».

Но наказание «начальства» в Сталине как фигуре современного общественного сознания не главное. Главное, что он был строитель. Это очень важно. Посмотрите: Лужков – строитель современной Москвы, и ему за это (и, конечно, за то, что он не отдал Москву либералам на поток и разграбление) прощают буквально все.

У грузин самый великий во всей их истории царь – Давид Строитель, на него до сих пор буквально молятся.

Но был ведь еще один грузин-строитель, правда, в значительно больших масштабах. При Сталине построены не только до сих пор комфортные и престижные дома – при нем построены

промышленность, инфраструктура и практически все остальное. Кстати, масштаб домостроения за пределами Москвы был при позднем Сталине выше, чем при раннем Хрущеве.

Я плохо отношусь к Сталину, потому что он сделал многие непозволительные вещи. Но нелепо отрицать его историческое значение, особенно на фоне нынешнего урководства.

Его жестокость – следствие того, что он был в прямом смысле слова исчадием гражданской войны. Но он очень сильно старался, и более добросовестного руководителя у нас, увы, не было.

Поэтому общество, глядя на многих других руководителей, в том числе современных, и соотнося их деятельность с деятельностью Сталина, творит о нем в буквальном смысле слова легенду. И сейчас именно Сталин – единственная фигура, которая в общественном сознании выиграла бы выборы в Российской Федерации, причем без всяких вопросов, в первом же туре. И ответственные, честные демократы проголосовали бы тоже: ругались бы, кляли на чем свет стоит, но одна мысль о том, что нужно бороться с коррупцией, вернула бы их к здравому смыслу, и они проголосовали бы за Сталина.

Что касается Ленина, то на его долю выпала совершенно иная историческая функция – разрушения.

С другой стороны, очень многое из того, что скрывала о нем советская история, выяснилось совсем недавно. Про Сталина ведь нехорошие вещи были известны давно: XX и XXII съезды КПСС не замолчишь.

И, когда сегодня либералы требуют осуждения Сталина, приходится им напоминать, что сильно мною не любимая Коммунистическая партия Советского Союза товарища Сталина уже осудила – за полвека до их истерик. Причем осудила по полной программе, в выражениях совершенно не парламентских. И вся антисталинская деятельность либералов – это традиционная для них попытка ввергнуть страну в прошлое и превратить в первоочередную новость события полувековой давности.

Так вот, возвращаясь к Ленину: общество узнало о нем много плохого, много аморального. Сталина ведь советская пропаганда выводила за скобки, чтобы не подставляться, а Ленин рисовался пряничным добрым дедушкой.

А он совсем не был добрым дедушкой. Он тоже был исчадием, и не только гражданской войны 19181921 годов, но и восстания 1905 года, и террористической войны, которая шла все первое десятилетие XX века и, по сути дела, тоже была гражданской войной. Наконец, старший брат Ленина был казнен.

А на войне как на войне – была и жестокость, и беспринципность. Причем с обеих сторон.

Когда мы говорим, что империя загнивала, это правда: загнивание было всеобъемлющим. И Ленин как продукт этого гниения, как инструмент этого разложения не может сегодня вызывать большой моральной поддержки.

Кроме того, Сталин, воплотив мечты «кремлевского мечтателя» в жизнь и развив их дальше, тем самым затмил Ленина как творца. Это просто аберрация исторического зрения. Если мы сейчас перенесемся в 1918 год, даже в 1920–1921 годы, в отмену военного коммунизма, то мы фигуру Ленина должны воспринимать как совершенно титаническую.

С введением нэпа, например, он совершил колоссальный разворот к здравому смыслу, причем внезапный и враждебный для его соратников. Мандельштам писал по другому поводу: «Огромный, неуклюжий, скрипучий разворот руля. Мы будем помнить и в летейской стуже, что десяти небес нам стоила земля».

Ведь все соратники Ленина в кровавой горячке гражданской войны требовали давить крестьянские восстания, убивать негодяев-контрреволюционеров. А он осознал, что большевики – и в первую очередь он сам – увлеклись, что человеческая, а значит, и историческая правда на стороне этих контрреволюционеров, которых большевики травили газами. И он тех,

кто сопротивлялся с оружием в руках, добил, потому что ничего не сделаешь, а всю политику государства развернул в соответствии с их требованиями.

Это истинное величие.

А сегодня тема выноса Ленина из Мавзолея педалируется не только ненавистью к нашей истории, не только стремлением отомстить мертвым за собственное убожество, не только страстным желанием поплясать на костях, но и мелкими тактическими интересами.

Е. Черных: – Как разменная монета.

М. Делягин: – Как только нужно что-то получить от господина Зюганова – нажимается кнопка, и пара-тройка дежурных подрабинеков, которые всегда на подхвате, начинают петь свои песни про «вынос тела». Как только зюгановская КПРФ идет на попятную, и договоренность достигается, – клоуны прячутся: их дело сделано, тема закрыта.

Честно говоря, намерение разрушить Мавзолей и надругаться над могилой Ленина – это еще и стремление надругаться над историей и культурой. Потому что Мавзолей – это часть культуры нашей страны, ансамбль Красной площади неповторим. Единственный способ перезахоронения Ленина, о котором можно говорить, – это выставить вместо его тела голографическое изображение, которое ничем не будет отличаться от подлинного. Но зачем?

Е. Черных: – Говорят, большие расходы на лабораторию.

М. Делягин: – А вы воруйте чуть поменьше, на полпроцентика, и денег на все хватит. Генпрокуратура посчитала, что масштабы коррупции по величине сопоставимы с федеральным бюджетом. Так что даже крошечного убавления воровства хватит не только на лабораторию, но и на многое другое.

Да и в целом это отговорка. Когда наше государство говорит, что ему на что-то не хватает денег, как правило, это означает, что оно чего-то не хочет делать. Потому что даже во времена, когда их и вправду не хватало, на политические цели всегда их было сколько угодно. Достаточно вспомнить выборы Ельцина в 1996 году.

А вот когда чего-то не хочется, тогда денег ни на что не хватает. А гробокопателям, любителям повоевать с мертвыми, которые уже сдачи дать не могут, я просто хочу напомнить, что у нас есть замечательный опыт вскрытия исторических могил.

У нас вскрыли одну историческую могилу – могилу Тамерлана, и на следующий день началась Великая Отечественная война. Пожалуйста, не надо повторять этот опыт.

Я хорошо отношусь к Ленину в целом. Но, если кто-то относится к нему плохо, вспомните поговорку:

«Не буди лихо, пока спит тихо».

Так вот: не будите. Потому что прецедент есть – Тамерлана разбудили.

Да, конечно, это случайное совпадение. Я не мистик, я во многие вещи не верю, но, когда мы не знаем чего-то точно – лучше подстраховаться.

Мы не знаем, что такое тонкие поля, что такое информационные поля, мы не понимаем, как работают телепаты и ясновидцы, – значит, есть сферы, в которые просто не надо лезть. Вот на трансформаторной будке написано: «Не влезать! Убьет!» – и не надо туда влезать, не разобравшись, как она устроена. На Мавзолее написано «ЛЕНИН», а читать надо: «Не влезай! Убьет!». По крайней мере, всяким людям альтернативной политической ориентации…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.